

ДЕБОРА МАССОН

ИСПОВЕДЬ ЖЕРТВЫ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М32

Deborah Masson

I'LL BE WATCHING YOU

Copyright © Deborah Masson 2026

Художественное оформление *Ольги Фатиховой*

Массон, Дебора.

М32 Исповедь жертвы / Дебора Массон ; [перевод с английского Л. Прокопенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-240720-8

Уэсли Харпер был ребенком, когда его мир рухнул в одно мгновение: отец — убийца, мать — жертва, новый дом и чужое имя. Сейчас Кейси Картер — идеальный социальный работник. Терпеливый, внимательный, незаметный. Он работает в Центре помощи полиции, помогая выслеживать людей, ведущих асоциальный образ жизни. Только в этой работе есть тонкая грань между слежкой и одержимостью — и Кейси давно ее перешел.

Теперь он жаждет справедливости.

Однажды три незнакомца — Джен, Билл и Льюис — просыпаются в запертой комнате. У похитителя необычное требование — признаться в самых страшных секретах. У каждого есть то, о чем они предпочли бы забыть навсегда. Но чем дольше они находятся взаперти, тем больше растет уверенность: похититель знает о них слишком много.

Что связывает этих случайных людей? И какую вину из своего прошлого Кейси пытается искупить, став их судьей, присяжным и палачом?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Прокопенко Л., перевод
на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-240720-8

Шесть лет назад

Она касается педали газа носком кроссовки, едва-едва, а затем снова убирает ногу.

Маленький красный автомобиль стоит всего в нескольких метрах от обрыва, утопая колесами в жидкой вязкой грязи.

Перед ее взором простирается бушующее Северное море, окутанное клочковатым белым туманом вплоть до серого горизонта. Волны бьются и шумят так же громко, как гром, прорываясь даже сквозь толщу металлической коробки, в которой она находится.

Ее тело застывает. Лицо мокрое, как и море, дыхание — прерывистое, как порывы ветра снаружи.

Ее нога замирает над педалью. Хватит ли ей смелости, чтобы преодолеть этот путь до края утеса? Отправиться в свободный полет?

Нужно всего одно движение... Всего несколько секунд...

Ее потрепанная кроссовка в очередной раз задевает узкую педаль. Шумящая в ушах кровь напоминает о том, что она все еще жива. И о тех, кто лишился своих жизней из-за нее.

Она стонет и откидывает голову на спинку сиденья. Слезы скатываются дальше, на бежевую футболку, а горло сдавливает страхом и сожалением, душащими ее.

Она неистово бьет по рулю, хватая его обеими руками до побелевших костяшек пальцев, трясет, пока тот не начинает скрипеть, — и воет в ветровое стекло.

Ее лоб с силой врезается в руль — бах! — и она рыдает.

Заставляя себя дышать, она нащупывает пальцами ключи, болтающиеся в замке зажигания. Глушит двигатель, выдергивает их и поднимает голову, чтобы посмотреть на воду.

Она фантазирует, каково это будет — прыгнуть в пасть бездны, позволить ей поглотить себя без остатка. Окажется ли эта смерть столь же ужасна, как ее жизнь?

Кашляя и задыхаясь, она снова вставляет ключи в замок зажигания и оставляет их висеть там. А потом она опускает солнцезащитный козырек и разглядывает прикрепленную к нему фотографию, ведя пальцем по лицам, обращенным к ней. Берет снимок в руки.

Ее пальцы сжимаются на бумаге, и она открывает дверь. Она выходит из машины, и ветер хлещет ее по лицу и ногам, обжигая соленым морским воздухом. Дверь остается открытой; она не берет с собой больше ничего и делает шаг вперед, глядя только на свои стопы, которые влекут ее к обрыву, несмотря ни на что.

Она останавливается, не дойдя до края, так близко к пропасти, что может ощутить ледяные брызги на своем лице. Слизирует соль с верхней губы, в то время как ее ноги утопают в грязи, а тело раскачивается на ветру.

Ее голова наклоняется вперед, и зазубренные скалы внизу представляются ей зубами, готовыми сомкнуться вокруг ее тела, прежде чем сбросить его в глубокую темную глотку моря.

Если бы только она могла довериться ветру. Чтобы он подхватил ее. Унес в морскую пучину.

Ей уже нет пути назад, она знает это. Знает, что прозойдет, если она вернется. Что уже случилось с близкими и дорогими ей людьми.

Она закрывает глаза и вспоминает о жизни, которая у нее когда-то была. А потом о тюрьме, в которую та превратилась. И уже никто не поможет ей сбежать.

Интересно, каким будет их воссоединение? Сжимая в руке крошечный снимок, она мечтает, как избавится от этой боли.

Ее нога, дрожа, приподнимается, и секунду, пока уговаривает себя шагнуть вперед, в ничто, она балансирует только на одной опоре. Битва между ее сердцем и разумом продолжается, даже когда она представляет, как выбирается из своей клетки. И позволяет себе освободиться.

Глава 1

Настоящее время

— Куда мне смотреть?

Я пристально вглядываюсь в девять огромных мигающих в темноте экранов на стене.

— На ту, которая машет руками. Только приготовься. Сейчас увидишь неприятные подробности.

Я обнаруживаю ее на третьей камере.

— Боже, гены не обманешь.

— Ага. Не знаю, как ты, но я рад, что мои маленькие рыбки никогда не будут плавать в этом генетическом бассейне.

Я бросаю взгляд на Робби. Не уверен, что его рыбки вообще имели счастье плавать где-либо. У него практически нет шеи, а задница свисает по обе стороны кресла.

Я тяну на себя тумблер на столе, и изображение размахивающей руками девушки появляется на изогнутом мониторе передо мной. Я увеличиваю зум. Сходство просто поразительное.

— Год там не пошел ей на пользу.

Робби издает нечто среднее между фырканьем и смешком, и из его рта вылетает кусочек глазури розового цвета, который приземляется на клавиатуру перед ним.

— Ее мать из тех же мест. Полагаю, она и сейчас за решеткой.

Шелли Баркер. Женщина, которая вряд ли может претендовать на звание матери года. Спутать ее дочерей с кем-то другим просто невозможно — они словно ее двойники, затащенные ею же в круговорот проституции и запрещенки. Старшая, Шэрон, уже мертва, а на младшую, Шарлин, мы сейчас и смотрим.

Лицо Шарлин измождено; она состарилась намного раньше времени. Еще бы, она столько раз попадала в тюрьму, что та для нее стала все равно что домом отдыха.

Некоторые люди с самого начала не имеют ни шанса, и девочки Баркер являются наглядным тому доказательством. Робби следил за ними с их юных лет; автотрагедия их жизни разворачивалась прямо у него на глазах, и он ничего не мог с этим поделать.

В этом-то вся проблема. Эта работа подобна поездке по человеческим судьбам. Мы наблюдаем за происходящим из-за тонированного ветрового стекла, а они, шагающие перед нашим капотом, даже не подозревают о нашем существовании.

Пока Шарлин не доставляет больших хлопот, но скоро это изменится. Выпивохы, околачивающиеся в дневное время на Сент-Николас-стрит, давно стали проблемой, и проблемой серьезной. Мы ежедневно связываемся по внутренней связи с местными копами. Те отвечают на вызов, выезжают на место, и им приходится выслушивать отборную брань в свой адрес. Конечно, пьянчуги разбегаются, но минут через десять они снова будут здесь.

Робби присвистывает:

— Она ни капли не боится.

Шарлин подсакивает к какому-то парню вдвое больше нее и тычет ему в лицо костлявым, пропахшим никотином пальцем. Ее покрытый язвами рот обруши-

вает на него поток ругательств, и, судя по выражению лиц прохожих, она в них не стесняется.

Парень отшатывается, и его глаз скрывается за лохматой сальной челкой. Молния его некогда белой спортивной кофты «*Карра*» расстегнута, демонстрируя отсутствие футболки и торчащие ребра.

Шарлин не унимается. Ее ладонь бьет по его скуле, и голова парня дергается в противоположную сторону. Грязный ботинок-угги приподнимается и пинает его в голень.

Рация оказывается у меня в руке ровно за секунду до того, как он наносит ответный удар.

— Ссора между женщиной и мужчиной на Сент-Николас-стрит.

И вот теперь уже он бьет ее. Шарлин падает на тротуар.

— Женщина сбита с ног.

Рация трещит, и один из патрульных докладывает, что они рядом и уже выдвинулись.

В комнате видеонаблюдения становится тихо. Ни я, ни Робби, и уж тем более ни две другие команды, работающие здесь с нами, — «Передвижение» и «Жилье», операторы которых столь же стремительны, как и их работа; мыши против нас, людей, — не производим ни звука. Все мы прячемся здесь. В самой заднице колледжа Маришаль, здания, которое туристический совет так любит преподносить как символ этого гранитного города. Но для меня это просто очередной рабочий день в офисе.

— Что у нас на обед? — спрашивает Робби, для которого еда — главный источник радости в жизни.

— Обед еще только через полчаса. Может, «Греггс»?

— Ты идешь, ты и выбирай. Я бы не отказался от рогалика.

Я оставил все попытки заставить Робби произнести слово «круассан», даже несмотря на то, что это его стандартное дополнение к двум сосискам в тесте.

Робби фыркает и стряхивает розовые крошки, прилипшие к растрескавшемуся желтому логотипу Бэтмена на его футболке. Я все еще ощущаю приторно-сладкий запах булочки, когда смотрю на этот логотип, и понимаю, что Робби считает, будто эта работа делает его супергероем, — но кто я вообще такой, чтобы разрушать его фантазии?

Так что сегодняшней день пройдет так же, как и любой другой до него. За наблюдением. Некоторые из этих людей значатся в списках хорошо известных нам лиц. Длинном перечне, находящемся всегда под рукой потому, что они стали объектом пристального внимания полиции. С подобными нарушителями правопорядка мы имеем дело изо дня в день. Более того, мы делаем ставки на их выбывание — иногда это происходит потому, что кто-то загремел в тюрьму, иногда потому, что его прибрала к себе смерть. А когда на улицы попадает новый, сомнительный вид наркотика — примерно каждые три года, — вычеркивается много имен. В какой-то момент мы даже начали заключать пари перед началом смены, пытаюсь угадать, кто мог умереть за время нашего отсутствия. Потеря некоторых ощутимо расстраивала. Еще бы, ты так погружаешься в их жизнь, как погружаешься в жизнь людей, на которых подписан в социальных сетях, напроць забывая о том, что конкретно в данном случае ты никогда с ними не общался, да уже и не сможешь. И что, пока они были еще живы, они и понятия не имели о твоём существовании.

И конечно же, наряду с завсегдатаями всегда есть ничем не выделяющиеся середнячки. Серая масса на

фоне остальных. Те, кто редко отклоняется от нормы, но порой способные и удивить.

Но что мне по-настоящему нравится в этой работе, сложная она или нет, так это то, что каждое лицо из этой толпы сообщает мне невероятное количество информации, не произнося ни единого слова; каждое движение их тела говорит мне, что они чувствуют. А еще я могу видеть, как они ведут себя, когда думают, что на них никто не смотрит. Я вижу их «спрятанное ото всех». То, что всегда скрывается под маской даже для самых близких.

Вот почему я никогда не понимал парней, которые уходят с этой работы, сетуя на ее однообразие, сухость в глазах и затекшую шею. Что вообще может быть скучного в наблюдении за людьми? В этом редком даре, позволяющем постичь, что движет человечеством? В возможности созерцать повседневную жизнь обывателей, даже не подозревающих, что я где-то рядом? В мире, где знаменитости — это новая аристократия, где слава приходит просто так, буквально ни за что, где реалити-шоу регулярно собирают миллионы телезрителей, чем все эти подражатели интереснее тех, кто сейчас отображается на экране передо мной? Все эти бессмысленные ролики, на которые кликается тысячи раз и ставятся тысячи лайков. За чужью из чьих-то чужих жизней следят миллионы подписчиков. Или, по крайней мере, за той жизнью, которую они *хотят* показать и в которую они *хотят*, чтобы ты поверил. Тщательно отредактированную и отфильтрованную.

Но здесь — *на этой работе* — все настоящее. Реальные люди. В реальной жизни. Без фильтров и каких-либо украшений. Так почему бы не воспользоваться шансом и не понаблюдать? Тем более *за деньги*.

Стать Всевидящим. Всезнающим. Стремительно преодолевать огромные расстояния без необходимости использовать ноги и транспорт. Бродить среди толпы, *быть ее частью*. И при всем этом оставаться невидимым.

Я могу менять судьбы одним щелчком тумблера или включением рации. Манипулировать временем, искривлять его. Предотвращать преступления, спасать жизни, защищать людей от самих себя.

Я чувствую на себе взгляд Робби. Я всегда замечаю, когда его внимание приковано ко мне, а не к экранам.

— Я не могу просиживать задницу и терпеть еще полчаса. Ты идешь в «Греггс» или как?

Что ж, даже супергероям нужно есть.

Глава 2

Я выскакиваю через вращающуюся стеклянную дверь колледжа Маришаль на пешеходную улицу, уступив дорогу одному-двум автобусам. На дворе октябрь. Холодный воздух обжигает легкие на вдохе. Совсем скоро эта улица превратится в импровизированную рождественскую ярмарку, манящую забавами и весельем — если, конечно, ты готов расстаться с наличными в своих карманах.

Мои глаза привыкают к свету, пока я иду по Брод-стрит; справа на площади Маришаль возвышаются торговые и офисные здания, а слева — то, в котором располагается мое собственное рабочее место.

Робби не спустит с меня глаз, пока его рогалик не будет благополучно доставлен своему получателю. Я поднимаю глаза на камеру, подмигивающую с фасада «Косты», — маленький черный шарик, который выглядит так, будто на нем надета бейсболка. Большинство людей не знают, что она там. Во всяком случае, на улице

не так много народу, чтобы заметить ее, — большинство сидит в кофейне, прижимая к себе кружки в попытках согреться. Я смотрю в камеру, улыбаюсь и показываю Робби средний палец.

Когда я прохожу мимо автобусной остановки возле подпольного паба «Стилл», который сейчас заколочен досками и выставлен на продажу, я вспоминаю — и уже далеко не в первый раз, — как ожидал автобус на этой остановке в детстве. Это было на Хогманай¹, во время одной из самых суровых зим за последние годы. Пальцы рук и ног в шерстяных перчатках и ботинках из искусственной кожи застывали от мороза на обратном пути домой от моей тетки. Мои родители и понятия не имели, что все автобусы остановили из-за гололеда еще несколько часов назад. Они обнимались, а я мерз, пока они грели друг друга. В те времена моя мать все еще любила демонстративно подчеркивать, какое место я занимаю в ее списке приоритетов. А мой отец не видел ничего, кроме моей матери.

Она умерла не в ту ночь, но я часто задаюсь вопросом, уцелела бы она, если бы система видеонаблюдения существовала уже в то время. Если бы кто-то, подобный мне, спас ее, даже не встав со своего стула в темной комнатке и не оторвав глаз от экрана.

Но единственным человеком, которого показала бы камера в этом случае, оказался бы я. Оставленный сидеть у двери, пока отец разделял мою мать и вешал ее сушиться.

В буквальном смысле.

Он забил ее, разделал и повесил ее тело на заднем дворе нашей семейной мясной лавки.

¹ Х о г м а н а й — шотландский праздник последнего дня в году. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Мой дедушка Джо построил эту лавку своими руками, а потом передал моему отцу, который в свою очередь обучил и меня, когда я достаточно подрос. Наверное, маме не следовало позволять ему это делать. Мне было всего восемь. А это слишком ранний возраст, чтобы смотреть, как расчлениют, потрошат и подвешивают животных. Запах крови никогда не выветривался с моих кожи или одежды по-настоящему.

Я работал в мясной лавке после школы, все каникулы и каждую субботу вплоть до моего раннего подросткового возраста. Папа привлекал меня к разделке туш так же, как и к общению с покупателями за прилавком.

Но вряд ли что-то сравнится с тем зрелищем, какое представлял мой отец, раскачивающийся за прилавком взад-вперед, весь покрытый кровью и плачущий. И я говорю «вряд ли» потому, что ничего из этого сам не помню.

В том, чтобы увидеть моего отца, вымазанного кровью, как раз таки не было ничего необычного, но представить его плачущим я не могу, — а я сказал полиции, что он именно плакал. Вероятно, это и заставило меня пойти на задний двор в поисках причины, ведь отец не мог ни смотреть на меня, ни ответить на мои вопросы. Опять же, это мне рассказали потом.

Маму обнаружили подвешенной на крюке. Голой. С блестящим металлическим клином, протыкающим ее кожу под подбородком и торчащим изо рта. Кровь, капающая с нее, уже натекла в лужу. Я, кстати, тоже был весь в крови; копы предположили, что, впад в шок, я, вероятно, обнял ее.

В последующие годы я часто просыпался по ночам. В своих снах я видел ее, висящую на этом крюке. Со временем эти образы начали приходить ко мне и когда

я не спал. Я мог увидеть ее перед собой в самые неожиданные моменты, безо всякого предупреждения. Когда шел по улице или пил чай.

Психотерапевт, к которому меня направили, сказал, что причиной тому может быть подавляемая травма. ПТСР — вот как это называют в наши дни. Но кто может сказать наверняка? Точно не тот умник, потому что я молчал как рыба, ничем не выдавая себя.

Я всегда думал, что название этой профессии весьма красноречиво. Мозгоправ. То есть кто-то, кто пытается проникнуть в мозг без моего на то разрешения, исправить там что-то против моей воли. А я на это не согласен. Так что я сделал вид, что слушаю его, и позволил ему думать, будто он чем-то помогает.

А говорил он много. То, чего я не помню и даже не собираюсь вспоминать. Единственное, что я вынес из его болтовни: что бы я тогда ни увидел, я был слишком мал, чтобы смотреть на такое.

Смерть моей матери пробила зияющую дыру в моей жизни. Пустоту, в которой мне суждено было страдать и в которую затем погрузилась вся страна. Лица моих родителей были на экранах всех телевизоров и страницах всех газет — тогда и на протяжении еще нескольких месяцев после.

Как и мое.

Сын Мясника.

Это прозвище наполнилось совершенно новым смыслом. Внимание СМИ ко мне было настолько пристальным, будто убийцей на самом деле был я. Некоторые журналисты даже высказывали предположения о моей причастности вслух, пока отец не обратился в суд. Меня преследовали репортеры и фотографы всех мастей, надеясь запечатлеть мое сиротское отчаяние — или же подтверждение моей вины.

И я беспокоился, что не выгляжу так, как должен выглядеть ребенок, потерявший сначала мать, а затем и отца. Мне было трудно выражать эмоции. Возможно, дело было только во мне, а может, и в том, что моя мать не проявляла ко мне чувств, когда была жива. Или и то и другое. Выглядел ли я безучастным? Отличающимся от других детей? Так, будто мне чего-то не хватало? С каждым днем эти размышления делали меня все более замкнутым — я отдалялся от других, от жизни; оглядываясь назад, я думаю, что я отдалялся даже от самого себя.

Те дни я проживал в надежде, что смогу подарить всем этим репортерам шанс, который вознесет их карьеру с уровня сводки местных новостей до национального масштаба. Я правда переживал, что могу подвести их. Но еще больше я боялся, что они действительно решат, будто я причастен к убийству своей матери. Что слухи расползутся и разрастутся, навесив на меня уже совсем другое клеймо, и разъяренная толпа потребует, чтобы меня самого подвесили, расчленили и выпотрошили, как забитое животное. Прямо как мою мать на том крюке.

Конечно, детский дом, в который меня отправили, пытался меня оградить, но это была та еще задачка. Я по-прежнему жил в том же самом городе, ходил в ту же школу. «Чтобы минимально нарушить мой привычный уклад жизни» — это они привели в качестве аргумента. Особенно смехотворного после того, как моя жизнь была разбита вдребезги. Я уже не мог вернуться к той жизни, которую знал раньше. В конце концов фотографы получили свой снимок.

Увидев свое лицо, смотрящее на меня с газетных стендов, я больше чем когда-либо ощутил, насколько нереальной становится моя жизнь; все это словно происходило с кем-то другим.